

Насонов С.А.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ: ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается генезис и эволюция континентальной модели производства в суде присяжных. Автор отмечает, что исторически первая форма континентальной модели производства присяжных возникла в конце 18 века во Франции, после чего эта модель производства распространилась в 19 столетии практически на всю Европу. В публикации раскрываются особенности континентальной модели, проявляющиеся на этапах судебного следствия и прений сторон; напутственном слове председательствующего; в системе вопросов, которые ставились перед присяжными; вердикте присяжных заседателей. Автор отмечает, что предмет судебного следствия и прений сторон в континентальной модели были чрезвычайно широки, сведения о личности подсудимого исследовались с участием присяжных. Континентальной модели производства в суде присяжных было присуще ограничение состязательных начал: прокурор обладал значительно большими правами, нежели сторона защиты, а суд был наделен дискреционными полномочиями в области доказывания. Вместе с тем, присяжные заседатели обладали широкими правами по участию в судебном следствии, а при удалении в совещательную комнату для постановления вердикта, им передавались материалы дела. В публикации отмечается, что напутственное слово председательствующего в континентальной модели производства в суде присяжных эволюционировало в сторону краткого разъяснения присяжным их прав, без какого бы то ни было упоминания о фактах дела и доказательствах, представленных обвинением и защитой. Особенность континентальной модели производства в суде присяжных выражались также в структуре вопросного листа, включающего в себя группу вопросов. В публикации сделан вывод, что исследование исторического опыта континентальной модели производства в суде присяжных значимо для поиска путей совершенствования этой формы судопроизводства в современной России.

Ключевые слова: Суд присяжных, континентальная модель, судебное следствие, прения сторон, присяжные заседатели, вердикт, вопросный лист, состязательность, допрос, свидетель.

Abstract: This article examines the genesis and evolution of the continental model of jury trial proceedings. The first historical form of continental model of jury trial emerged at the end of the XVIII century in France, after which it spread throughout virtually all of Europe in the XIX century. The work reveals the particularities of the continental model emerging throughout the stages of court trials and arguments; in the system of questions faced by the jury; jury verdicts. The author notes that the subject of court trial and arguments in the continental model were extremely broad; information about the identity of the defendant was examined with participation of the jury. The continental model of jury trial had an unbalanced defense and prosecution bases: the prosecutor possessed significantly greater rights than the defense, while the court had discretionary authority in the area of evidence. At the same time, the jurors had a broad arsenal of rights in the criminal procedure and were allowed to take the evidence into the deliberation room. The author makes a conclusion that the research of the historical experience of the continental model of the court proceedings involving jury is important for the search of ways to improve this form of procedure in modern Russia.

Keywords: Verdict, jurors, pleadings, judicial enquiry, continental model, jury trial, question list, competitiveness, questioning, witness.

В дискуссии о направлениях реформирования производства в суде с участием присяжных заседателей, нередко звучит аргумент, состоящий в том, что это производство не распространено в Европе, где оно трансформировалось в т. н. «континентальную модель», предполагающую совместное

разрешение всех вопросов дела судьей и коллегией присяжных заседателей, наподобие суда шеффенов в Германии [2, с. 47].

Между тем, понятие «континентальной модели» производства в суде присяжных в науке российского и зарубежного уголовно-процессуального

права традиционно связывается с классическим типом такого производства, в котором полномочия профессионального судьи (суда) и коллегии присяжных заседателей разграничены.

О «французской» и «английской» системах производства в классическом суде присяжных писал еще И.Я. Фойницкий [12, с. 440]. Данная типология нашла широкое отражение в дореволюционной процессуальной литературе [8, с.695].

Исторически первая форма континентальной модели производства присяжных появилась во Франции, где она впервые была закреплена в годы революции декретом 1790 г. и в окончательном варианте – в Кодексе уголовного следствия (далее – КУС) 1808 г [11]. Хотя первоосновой для нового порядка судопроизводства стала английская модель, она была существенно изменена, что позволяет рассматривать ее как оригинальную типовую модель производства в суде присяжных.

Возникшая первой, французская форма присяжного судопроизводства стала основным, «классическим» вариантом континентальной модели производства в суде присяжных. Обусловлено это тем, что именно французская модель производства в суде присяжных была введена на территориях завоеванных Наполеоном государств. С восстановлением своего суверенитета эти государства вновь закрепили в своем уголовно-процессуальном законодательстве французскую модель производства в суде присяжных.

Так суд присяжных был вновь введен в Италии (1859 г.), Швейцарии (1842–1863 гг.), Бельгии (1867 г.).

С 1842 по 1852 гг. континентальная модель суда присяжных была введена во многих государствах Германского союза (Пруссии, Баварии и т. д.) [1, с.50]. После объединения Германии в 1871 г. континентальная модель производства в суде присяжных была закреплена в Уставе уголовного судопроизводства Германии 1877 г. [10] (далее – УУС Германии).

Континентальная модель производства в суде присяжных характеризовалась особенностями: судебного следствия и прений сторон; напутственного слова председательствующего судьи; системы вопросов, которые ставились перед присяжными; вердикта присяжных заседателей.

Характерной чертой континентальной модели суда присяжных являлись следующие признаки судебного следствия и прений сторон:

1) в предмет указанных этапов судебного разбирательства входили обстоятельства заявленного гражданского иска, т. к. континентальной модели был присущ так называемый «соединенный процесс». Хотя

присяжные и не наделялись правом разрешения гражданского иска (этот вопрос решался профессиональным судом после вердикта), обстоятельства причинения ущерба, доказательства, подтверждающие искомые требования, исследовались до вынесения вердикта, с участием присяжных;

2) более широкие, чем в англо-американской модели, пределы.

Данные о личности подсудимого широко исследовались в континентальной модели этого производства и становились известны присяжным, прежде всего, из оглашавшегося в их присутствии обвинительного акта, содержащего преимущественно негативные сведения о прошлом подсудимого.

Значительную часть данных о личности подсудимого присяжные узнавали в ходе его допроса, а также в ходе допроса свидетелей, среди которых была даже особая категория – «свидетели репутации подсудимого». Эти свидетели, показания которых посвящались исключительно оценке нравственных качеств подсудимого, освобождались от дачи присяги, что, по мнению законодателя, должно было ослабить возможность негативного воздействия таких сведений на присяжных. Оспаривая ценность этой процессуальной гарантии, К.Миттермайер писал: «Жестоко ошибается законодатель, воображая, что присяжные будут смотреть на показания таких свидетелей иными глазами, чем на показания остальных» [4, с.141].

В противоположность англо-американской модели, судебное следствие производства континентального типа начиналось с оглашения секретарем суда обвинительного акта (ст. 313 КУС). Такое начало судебного следствия нельзя назвать состязательным, поскольку оглашение обвинительного акта участниками процесса, олицетворяющими судебную власть, – судьей либо секретарем – являлось явным смешением процессуальных функций правосудия и обвинения.

После оглашения обвинительного акта следовала вступительная речь прокурора («expose»), который «излагает вкратце предмет обвинения и представляет вслед за тем список свидетелей, которые должны быть заслушаны» [11, с.61]. К. Миттермайер критиковал отсутствие жестких требований к вступительному заявлению прокурора: «Все здесь предоставляется произволу прокурора... кассационный суд не воспрещает ему приводить в этой речи свидетельские показания, данные на предварительном следствии, не воспрещается прочитывать из этих свидетельских показаний только то, что ему желается... позволяется даже выставлять поведение подсудимого в... невыгодном свете. При

слушании «expose»... прокурора у присяжных невольно создается впечатление о виновности подсудимого» [4, с.135]. В такой процедуре начала судебного следствия, на наш взгляд, также проявлялось отступление от состязательных начал, т.к. сторона защиты была лишена права ответного вступительного заявления перед присяжными заседателями.

После вступительного слова прокурора судья приступал к допросу подсудимого, обладая правом задавать ему дискредитирующие и уличающие вопросы. Далее, подсудимого допрашивали ассессоры, присяжные и прокурор. В отличие от прокурора защитник мог задавать вопросы подсудимому и свидетелям «... не иначе, как через уста президента» [11, с.62], т.е. только через председательствующего, что свидетельствует о явном неравноправии сторон в судебном разбирательстве.

После допроса подсудимого председательствующий определял порядок исследования других доказательств, причем мнения сторон по этому вопросу для него не являлись обязательными. Континентальной модели не было присуще характерное для англо-американского процесса деление судебного следствия на две части («обвинительную» и «часть защиты»), поскольку порядок исследования доказательств являлся общим и не изменялся в зависимости от их содержания, а кроме того, считалось, что следствие проводят не стороны, а суд.

Существенное ограничение состязательности прослеживалось и в порядке отдельных процессуальных действий судебного следствия, прежде всего, в процедуре допроса свидетелей.

В отличие от правил дачи показаний в англо-американской модели, свидетель, после сообщения суду своих анкетных данных, был обязан перед ответом на вопросы изложить свои сведения об обстоятельствах дела в форме «свободного рассказа», причем во время «свободного рассказа» свидетеля запрещалось прерывать (ст. 319 КУС). Свободный рассказ излагался суду, и именно суд (в лице председательствующего и судей-ассессоров) первым приступал к допросу свидетеля. Перекрестный допрос не был характерен для рассматриваемой модели производства в суде присяжных.

Важнейшим признаком континентальной модели производства в суде присяжных являлось неравное положение защитника по сравнению с прокурором, которому принадлежал статус «главной стороны» («partie principale») в уголовном деле. Такое положение прокурора объяснялось во французской процессуальной науке тем, что «прокурор является одновременно и обвинителем, и органом надзора за законностью» [13,

с.490]. Практически все процессуальные преимущества прокурора перед защитником были обусловлены именно таким пониманием его статуса: и право на «expose», и право на непосредственный допрос подсудимого, любого свидетеля и эксперта сразу после судьи. Защитник по КУС Франции не обладал ни одним из перечисленных прав, что резко ограничивало его возможности оказания равного воздействия на присяжных заседателей.

Несколько иным положение защитника было в германском варианте континентальной модели производства в суде присяжных. Так, согласно ст. 238 УУС Германии защитник имел право первым допрашивать свидетелей, вызванных стороной защиты, подсудимый и защитник имели право на непосредственный допрос свидетелей и экспертов и т. д.

Процессуальному неравноправию сторон в судебном следствии сопутствовало особое, отличное от англо-американской модели, процессуальное положение председательствующего («президента»). Во время судебного следствия председательствующему принадлежала дискреционная власть («le pouvoir discretionnaire»), которая предоставляла ему возможность употреблять все способы и средства, какие ему покажутся полезными для открытия истины. Благодаря этим полномочиям председательствующий мог, независимо от мнения сторон, огласить показания не явившихся свидетелей, назначить любую судебную экспертизу, вызвать любых новых свидетелей, назначить осмотр местности, провести очную ставку между ранее допрошенными лицами и т. д.

Существенной особенностью судебного следствия континентальной модели производства в суде присяжных являлось отделение этапа представления и проверки доказательств (собственно, судебного следствия) от этапа их оценки сторонами (прений сторон). Это объяснялось тем, что «судебное следствие ведется здесь не сторонами, а судом... его нужно было поставить раньше речей и отделить от них» [12, с.440]. Разделение судебного следствия и прений сторон предопределило запрещение сторонам допускать оценочные суждения по поводу исследованных доказательств в ходе судебного следствия.

В судебном следствии континентальной модели присяжные обладали широкими правами на участие в исследовании доказательств. Так, согласно ст. 311 КУС присяжные наделялись правом непосредственно допрашивать свидетелей (с разрешения председательствующего), участвовать в осмотрах. Аналогичные полномочия имели присяжные заседатели согласно ст. 239 УУС Германии.

Существенной гарантией объективности вердикта присяжных заседателей в континентальной модели выступало положение, позволяющее передавать присяжным в совещательную комнату некоторые доказательства. Так, согласно ст. 341 КУС, при удалении присяжных в совещательную комнату «...президент дает присяжным письменные вопросы с приложением обвинительного акта, протоколов и прочих документов... за исключением свидетельских показаний» [14, с.35]. Согласно ст. 302 УУС Германии присяжным заседателям в совещательную комнату отдавались предметы, «...которые при следствии были предложены присяжным для осмотра» [10, с. 61].

Напутственное слово председательствующего именовалось в континентальной модели суда присяжных кратким изложением обстоятельств дела – резюме (Франция) или юридическим поучением (Германия) и значительно отличалось от англо-американского варианта.

Резюме председательствующего произносилось перед присяжными заседателями после прений сторон и последнего слова подсудимого, но до постановки вопросов присяжным (ст. 336 КУС), что нередко создавало проблему полноты напутственного слова. Как отмечал И.Я. Фойницкий, председательствующий, «не зная еще вопросов, которые будут поставлены, был лишен в своих объяснениях надежной опоры, ему представлялось невозможным предупредить присяжных, на какие именно части вопросов должно быть обращено их преимущественное внимание» [12, с. 467].

Резюме председательствующего в соответствии со ст. 336 КУС должно было включать в себя краткое изложение дела, указание присяжным на доказательства в пользу и против подсудимого, а также разъяснение правил вынесения вердикта. При этом судья не должен был делать какие-либо ссылки на закон. По мнению И. Закревского, «неупоминание о законах объясняется тем, что французы полагали... что присяжные – “судьи фактов”... а коронные судьи – “судьи права”; что присяжные должны установить лишь фактическую сторону дела, не заботясь о том, что гласит закон, так как о законах думает за них коронный судья; что присяжных не следует даже стеснять напоминанием о законах, так как высший закон для них – голос их совести» [3, с. 46].

Однако через некоторое время судебная практика показала, что председательствующие, вместо объективного напутственного слова присяжным, произносили страстную обвинительную речь, в которой откровенно высказывали свое убеждение в виновности подсудимого и полной несостоятельности его объяснений и соображений защитника.

Резко обвинительный характер резюме председательствующих вызывал постоянные нападки не только со стороны теоретиков-процессуалистов, но и со стороны либеральных парламентских деятелей. Многократно указывалось, что такое резюме совершенно извращает принцип объективности суда и подрывает независимость присяжных заседателей. Поэтому все чаще выдвигалось требование об упразднении резюме президента.

В итоге председательское резюме во Франции было упразднено законом от 19 июня 1881 г., который оставил за председательствующим только обязанность разъяснения присяжным заседателям порядка их совещания и дачи ответов на поставленные судом вопросы.

Таким образом, напутственное слово председательствующего в континентальной модели производства в суде присяжных эволюционировало в сторону краткого разъяснения присяжным их прав, без какого бы то ни было упоминания о фактах дела и доказательств, представленных обвинением и защитой.

В отличие от английского порядка, при котором присяжные своим ответом разрешают единственный вопрос о виновности подсудимого, континентальная модель производства в суде присяжных предусматривала *постановку нескольких вопросов*. Такой подход был основан на том, что в континентальной модели была реализована попытка законодательно закрепить теорию разграничения компетенции между присяжными и председательствующим судьей по формуле: судьи решают вопросы права, а присяжные – вопросы факта.

Как верно отмечает П.Л. Михайлов, именно эта концепция нашла отражение в трудах Монтескье, Вольтера, Руссо, Беккариа и определила представление французского законодателя периода революционных преобразований о сущности суда присяжных [5, с.209]. Очевидно, что если воспринимать присяжных исключительно как судей факта, они должны отвечать не на один вопрос о виновности, а устанавливать систему разрозненных фактических обстоятельств, что влечет дробность вопросов в вопросном листе.

Именно поэтому содержание вопросов присяжным заседателям первоначально охватывало установление только фактических обстоятельств рассмотренного дела.

Однако такая система постановки вопросов присяжным заседателям показала свою концептуальную несостоятельность.

Во-первых, законодателю так и не удалось размежевать фактические и правовые вопросы, поскольку установление «факта обвинения» предполагало определенную юридическую оценку. Например, для признания «факта обвинения» подсудимого, которому

вменялось совершение преднамеренного убийства, требовалась оценка «предумышленности», что явно выходило за рамки «вопросов факта». По этой причине французскому законодателю пришлось пойти даже на введение института «специального жюри» для рассмотрения дел о некоторых должностных и банковских преступлениях, в которое включались граждане, имеющие квалификацию «относящуюся к виду деликта» [5, с. 214].

Во-вторых, реализация концепции разделения вопросов права и факта приводила на практике к значительной дробности вопросов, которые ставились перед присяжными. Как указывал В.К. Случевский, «бывали дела, по которым число постановляющихся вопросов достигало во Франции до 20 тыс. вопросов» [9, с.570].

Законодатель попытался разрешить эти проблемы положением ст. 337 КУС, где было определено, что вопрос, вытекающий из обвинительного акта, ставится в виде следующей формулы: «Виновен ли подсудимый в совершении такого-то убийства, такой-то кражи, или такого-то, какого-либо другого преступления со всеми обстоятельствами, изложенными в заключении обвинительного акта?» [11, с.67]. Однако, наряду с этим вопросом, КУС позволял ставить отдельные вопросы по пунктам, касающимся: 1) обстоятельств, увеличивающих вину подсудимого, причем, как содержащихся в обвинительном акте, так и обнаруженных во время судебных прений (ст. 338 КУС); 2) обстоятельств, извиняющих или оправдывающих подсудимого (ст. 339 КУС); 3) вопроса «о разумении» в отношении к подсудимым, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 340 КУС).

Сходной чертой англо-американской и континентальной моделей производства в суде присяжных являлась юридическая необязательность обвинительного вердикта присяжных заседателей, в случае несогласия с ним, для профессиональной коллегии судей. Так, согласно ст. 352 КУС, в том случае, если «... подсудимый будет признан виновным и если притом суд убежден, что присяжные, хотя и соблюдшие все формы, ошиблись в самом существе дела, то он объявляет, что решение его приостанавливается, и отсылает его в следующее заседание для решения новыми присяжными, в числе которых не может находиться ни один из тех, что участвовали в постановлении непризнанного судом вердикта» [11, с.70]. Похожее правило было закреплено в ст. 317 УУС Германии, где говорилось, что «если суд единогласно признает, что присяжные ко вреду подсудимого в главном вопросе ошиблись, то определением, без мотивирования своего мнения, отсылает дело для нового следствия перед судом присяжных». Так же,

как и во французском законодательстве, в новом рассмотрении дела не могли принимать участие прежние присяжные. Повторное рассмотрение дела носило окончательный характер. Так согласно ст. 317 УУС Германии на основании нового вердикта «приговор постановляется во всяком случае» [10, с.63].

Континентальная модель судебного следствия существовала в большинстве государств Европы более века. В 1924 г. в «Веймарской» Германии, вследствие объединения судебных коллегий, суд присяжных был фактически упразднен. В 1940 г. ординасом Петена был таким же способом ликвидирован классический суд присяжных во Франции. Такая же судьба постигла суд присяжных в Италии (1931 г.), Испании (1936 г.) и в других европейских странах.

Ликвидация суда присяжных в указанных странах чаще всего сопровождалась объяснениями экономического или политического порядка, а также декларациями об абстрактных недостатках этой формы судопроизводства.

Так, например, в Испании 12 сентября 1936 г. декретом № 102 Хунта национальной обороны Испании приостановила (по сути, прекратила) деятельность судов присяжных на всей территории Испании, по причине того, что суд присяжных имеет «известные всем недостатки», и, кроме того, присяжными заседателями, якобы, манипулирует Народный фронт в своих незаконных интересах [15, с. 162]. Суд присяжных был заменен на полностью управляемый суд «*escabinados*», включавший в себя профессиональных судей, лояльных режиму, и народных заседателей, образующих с судьями единую коллегию [6, с. 154].

Является ли континентальная модель действующей в настоящее время?

На данный вопрос следует ответить утвердительно, поскольку УПК Австрии 1975 г., предусматривающий производство в суде присяжных, устанавливает разграничение компетенции между председательствующим и присяжными, что позволяет говорить о существовании суда присяжных в традиционном понимании, а особенности этого производства указывают на близкое сходство производства в суде присяжных с классической континентальной моделью [7, с.8-10]. Кроме того, континентальная модель производства в суде присяжных закреплена в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Бельгии 1878 года.

Представляется, что исследование исторического опыта континентальной модели производства в суде присяжных значимо для поиска путей совершенствования этой формы судопроизводства в современной России.

Библиография:

1. Брауер Э. Суд присяжных по законодательствам Германии: Общий обзор и положение немецких законодательств по этому предмету, с кратким указанием на законодательства других государств, преимущественно на французское, шотландское и северо-американское /Пер., прим.: В. Бартенев. СПб.: Журн. М-ва юст., 1865.
2. Дудко Н.А. Суд присяжных по УПК Украины // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию юридического факультета и 40-летию Алтайского государственного университета. – Барнаул. 2012, Вып.11–12.
3. Закревский И.П. О настоящем и будущем суда присяжных. Сборник статей. – СПб.: Тип. И.П. Сойкина, 1897.
4. Миттермайер К.Ж.А. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Вып. 1–2. М.: Д. Дриль, 1869–1871.
5. Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции. СПб.: Изд-во Р. Асланова, 2004.
6. Насонов С.А. Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование). Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8.
7. Радутная Н.В. Суд присяжных в континентальной системе права // Российская юстиция. 1995. № 1.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб. 1914.
9. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.
10. Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 года. Перев. Ив. Соболева. СПб., 1878.
11. Устав уголовного судопроизводства Франции. Перев. Н. Неклюдова. – СПб, 1860 г.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Переизд. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.
13. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Альфа, 1995.
14. Яневич-Яневский П. О введении, развитии и современном состоянии суда присяжных во Франции // Юридические записки. Т. 3. 1859.
15. Gleadow Carmen. History of trial by jury in the Spanish legal system.– Lewiston. NY.2000

References (transliterated):

1. Brauer E. Sud prisyazhnykh po zakonodatel'stvam Germanii: Obshchii obzor i polozhenie nemetskikh zakonodatel'stv po etomu predmetu, s kratkim ukazaniem na zakonodatel'stva drugih gosudarstv, preimushchestvenno na frantsuzskoe, shotlandskoe i severo-amerikanskoe /Per., prim.: V. Bartenev. SPb.: Zhurn. M-va yust., 1865.
2. Dudko N.A. Sud prisyazhnykh po UPK Ukrainy // Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae: materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu yuridicheskogo fakul'teta i 40-letiyu Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. – Barnaul. 2012, Vyp.11–12.
3. Zakrevskii I.P. O nastoyashchem i budushchem suda prisyazhnykh. Sbornik statei. – SPb.: Tip. I.P. Soikina, 1897.
4. Mittermaier K.Zh.A. Evropeiskie i amerikanskie sudy prisyazhnykh, ikh deyatel'nost', dostoinstva, nedostatki i sredstva k ustraneniyu etikh nedostatkov. Vyp. 1–2. M.: D. Dril', 1869–1871.
5. Mikhailov P.L. Sud prisyazhnykh vo Frantsii. SPb.: Izd-vo R. Aslanova, 2004.
6. Nasonov S.A. Evropeiskie modeli proizvodstva v sude prisyazhnykh: sud prisyazhnykh v Ispanii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2015. № 8.
7. Radutnaya N.V. Sud prisyazhnykh v kontinental'noi sisteme prava // Rossiiskaya yustitsiya. 1995. № 1.
8. Rozin N.N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. SPb. 1914.
9. Sluchevskii V.K. Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroistvo – sudoproizvodstvo. 4-e izd., ispr. i dop. SPb., 1913.
10. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: V 2 t. Pereizd. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2.
11. Chel'tsov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. SPb.: Al'fa, 1995.
12. Yanevich-Yanevskii P. O vvedenii, razvitii i sovremennom sostoyanii suda prisyazhnykh vo Frantsii // Yuridicheskie zapiski. T. 3. 1859.
13. Gleadow Carmen. History of trial by jury in the Spanish legal system.– Lewiston. NY.2000